Тамъ внѣшнее состояніе жестокости и рабства людей было въ полномъ согласіи съ внутреннимъ сознаніемъ людей и каждый шагъ впередъ увеличивалъ это согласіе: здѣсь же внѣшнее состояніе жестокости и рабства находится въ полномъ противорѣчіи съ христіанскимъ сознаніемъ людей и каждый шагъ впередъ только увеличиваетъ это противорѣчіе.

Происходятъ какъ бы ненужныя, безполезныя страданія. Происходитъ нѣчто подобное родамъ. Все готово для новой жизни, но жизнь эта все еще не появляется.

Положеніе кажется безвыходнымъ. И оно было бы таковымъ, если-бы человѣку, а потому и всѣмъ людямъ, не была дана возможность иного, высшаго пониманія жизни, сразу освобождающаго его отъ всѣхъ тѣхъ узъ, которыя, казалось, неразрывно связывали его.

И таково то, указанное еще 1800 лѣтъ тому назадъ человѣчеству, христіанское пониманіе жизни.

Стоитъ человѣку усвоить это жизнепониманіе для того, чтобы сами собой распались тѣ цѣпи, которыя, казалось, такъ неразрывно сковывали его, и чтобы онъ почувствовалъ себя совершенно свободнымъ, въ родѣ того, какъ почувствовала бы себя свободной птица въ загороженномъ кругомъ мѣстѣ, когда бы она раскрыла свои крылья.

Говорятъ объ освобожденіи христіанской церкви отъ государства, о дарованіи или недарованіи свободы христіанамъ. Въ этихъ мысляхъ и выраженіяхъ есть какое то странное недоразумѣніе. Свобода не можетъ быть дарована или отнята у христіанина или христіанъ. Свобода есть неотъемлемое свойство христіанина.

Если же говорится о дарованіи или отнятіи свободы отъ христіанъ, то, очевидно, говорится не о дѣйствительныхъ христіанахъ, а о людяхъ, только называющихъ себя христіанами. Христіанинъ не можетъ не быть свободенъ потому, что достиженіе поставленной имъ для себя цѣли никѣмъ и ничѣмъ не можетъ быть воспрепятствовано или хотя бы задержано.

Стоитъ человѣку понять свою жизнь такъ, какъ учитъ понимать ее христіанство, т. е. понять то, что жизнь его принадлежитъ не ему, его личности, ни семьѣ или государству, а Тому, кто послалъ его въ жизнь, понять то, что исполнять онъ долженъ поэтому не законъ своей личности, семьи или государства, а ничѣмъ неограниченный законъ Того, отъ Кого онъ изшелъ, чтобы не только почувствовать себя совершенно свободнымъ отъ всякой человѣческой власти, но даже перестать видѣть эту власть, какъ нѣчто могущее стѣснять кого либо.

Стоитъ человѣку понять, что цѣль его жизни есть исполненіе закона Бога, для того, чтобъ этотъ законъ, замѣнивъ для него всѣ другіе законы и подчинивъ его себѣ, этимъ самымъ подчиненіемъ лишилъ бы въ его глазахъ всѣ человѣческіе законы ихъ обязательности и стѣснительности.

Христіанинъ освобождается отъ всякой человѣческой власти тѣмъ, что считаетъ для своей жизни и жизни другихъ божескій законъ любви, вложенный въ душу каждаго человѣка и приведенный къ сознанію Христомъ, единственнымъ руководителемъ жизни своей и другихъ людей.

Христіанинъ можетъ подвергаться внѣшнему насилію, можетъ быть лишенъ тѣлесной свободы, можетъ быть не свободенъ отъ своихъ страстей (дѣлающій грѣхъ есть рабъ грѣха), но не можетъ быть не свободенъ въ томъ смыслѣ, чтобы быть принужденнымъ какою либо опасностью или какою либо внѣшнею угрозою къ совершенію поступка, противнаго своему сознанію.

Онъ не можетъ быть принужденъ къ этому потому, что составляющіе могущественное орудіе противъ людей общественнаго жизнепониманія, лишенія и страданія, производимыя насиліемъ, не имѣютъ для него никакой принудительной силы. Лишенія и страданія, отнимающія у людей общественнаго жизнепониманія то благо, для котораго они живутъ, не только не могутъ нарушить блага христіанина, состоящаго въ сознаніи исполненія воли Бога, но только могутъ усилить его, когда они постигаютъ его за исполненіе этой воли.

И потому христіанинъ, подчиняясь одному внутреннему, божественному закону, не только не можетъ исполнять предписанія внѣшняго закона, когда они не согласны съ сознаваемымъ имъ божескимъ закономъ любви, какъ это бываетъ при правительственныхъ требованіяхъ, но не можетъ признавать и обязательства повиновенія кому и чему бы то ни было, не можетъ признавать того, что называется подданствомъ. Для христіанина обѣщаніе подданства какому бы то ни было правительству, — тотъ самый актъ, который считается основаніемъ государственной жизни, есть прямое отреченіе отъ христіанства, потому что человѣкъ безусловно впередъ обѣщающійся подчиняться тѣмъ законамъ, которые составляютъ и будутъ составлять люди, этимъ обѣщаніемъ самымъ положительнымъ образомъ отрекается отъ христіанства, состоящаго въ томъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ жизни подчиняться только сознаваемому имъ въ себѣ божескому закону любви.

Можно было при языческомъ міросозерцаніи обѣщаться исполнять волю свѣтскихъ властей, не нарушая волю Бога, полагаемую въ обрѣзаніи, субботѣ, опредѣленной временемъ молитвѣ, воздержаніи отъ извѣстнаго рода пищи и т. п. Одно не противорѣчило другому. Но тѣмъ-то и отли-